

Из того было из города из Крякова,
С того славного села да со Березова,
А со тою ли со улицы Рогатицы,
Из того подворья богатырского
Охоч ездить молодец был за охоткою;
А й стрелял-то да й гусей, лебедей,
Стрелял малых перелетных серых утушек.
То он ездил по раздольицу чисту полю,
Целый день с утра ездил до вечера,
Да и не наехал он ни гуся он, ни лебедя,
Да и ни малого да перелетного утенушка.
Он по другой день ездил с утра до пабедья,
Он подъехал-то ко синему ко морюшку,
Насмотрел две белых две лебедушки:
Да на той ли как на тихоей забереге,
Да на том зеленоем на затресье
Плавают две лебеди, колыблются.
Становил-то он коня да богатырского,
А свой тугой лук разрывчатый отстегивал
От того от правого от стремечка булатного;
Наложил-то он и стрелочку каленую,
Натянул тетивочку шелковеньку,
Хотит подстрелить двух белых лебедушек.
Воспроговорили белые лебедушки,
Проязычили языком человеческим:
«Ты удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты, славныя богатырь святорусский!

Хоть нас подстрелишь, двух белых лебедушек,
Не укрятаешь плеча могучего,
Не утешишь сердца молодецкого.

Не две лебеди мы есть да не две белых,
Есть две девушки да есть две красных,
Две прекрасных Настасьи Митриевичны.

Мы летаем-то от пана от поганого,
Мы летаем поры-времени по три году,
Улетели мы за синее за морюшко.

Поезжай-ка ты в раздольице чисто поле,
Да й ко славному ко городу ко Киеву,
Да й ко ласкову князю ко Владимиру:

А й Владимир-князь он ест-то, пьет и проклаждается
И над собой невзгодушки не ведает.

Как поедешь ты раздольицем чистым полем
Да приедешь ты к сыру дубу крякновисту,
Насмотри-тко птицу во сыром дубе;

Сидит птица черный ворон во сыром дубе,
Перьице у ворона черным-черно,
Крыльице у ворона белым-бело,

Перьица распущены до матушки сырой земли».

Молодой Петрой Петрович, королевский сын,

На коне сидит, сам пораздумался:

«Хоть-то подстрелю двух белых лебедушек,

Да й побью я две головки бесповинных,

Не укрятаю плеча могучего,

Не утешу сердца молодецкого».

Он сымает эту стрелочку каленую,
Отпустил тетивочку шелковеньку,
А й свой тугой лук разрывчатый пристегивал
А й ко правому ко стремечки булатному,
Да й поехал он раздольицем чистым полем
А й ко славному ко городу ко Киеву.
Подъезжал он ко сыру дубу крякновисту,
Насмотрел он птицу черна ворона:
Сиди птица черный ворон во сыром дубе,
Перьяце у ворона черным-черно,
Крыльице у ворона белым-бело,
А й распущены перьяца до матушки сырой земли;
Эдакою птицы на свети не видано,
А й на белом да и не слыхано.
Молодой Петрой Петрович, королевский сын,
Он от правого от стремечки булатного
Отстянул свой тугой лук разрывчатый,
Наложил он стрелочку каленую,
Натянул тетивочку шелковеньку,
Говорил-то молодец да й таковы слова:
«Я подстрелю эту птицу черна ворона,
Его кровь-то расточу да по сыру дубу,
Его тушицу спущу я на сыру землю,
Перьяце я распущу да по чисту полю,
Да по тою долинушке широкою».
Воспроговорил-то ворон, птица черная,
Испровещил да языком человеческим:

«Ты удаленький дородный добрый молодец,
Славныя богатырь святорусския!

Ты слышал ли поговорю на святой Руси:

В келье старца-то убить – так то не спасенье,

Черна ворона подстрелить – то не корысть получить?

Хоть подстрелишь мене, птицу черна ворона,

И порасточишь мою кровь ты по сыру дубу,

Спустишь тушицу на матушку сыру землю, -

Не укрятаешь плеча да ты могучего,

Не утетиши сердца молодецкого.

Поезжай-ка ты во славный стольный Киев-град,

Да й ко славному ко князю ко Владимиру.

А й у славного-то князя у Владимира

Есть почестен пир да й пированьице,

То он ест да пьет да й проклаждается,

Над собою князь невзгодушки не ведает:

То ведь ездит поляничище в чистом поли,

Она кличет, выкликает поединщика,

Супротив себя да й супротивника,

Из чиста поля да что наездника:

«Он не даст ли мне-ка если поединщика,

Супротив меня да и супротивника,

Из чиста поля да что наездника, -

Разорю я славный стольный Киев-град.

А ще чернедь мужичков-то всех повырублю,

Все Божьи церкви-то я на дым спущу,

Самому князю Владимиру я голову срублю

Со Опраксией да королевичной».
Молодой Петрой Петрович, королевский сын,
На добром коне сидит, сам пораздумался:
«То слышал я поговорю на святой Руси:
В келье старца-то убить – так то не спасенье,
Черна ворона подстрелить – то не корысть получить.
Хоть я подстрелю-то птицу черна ворона,
Расточу-то его кровь да по сыру дубу,
Его тушицу спущу да й на сыру землю,
Распущу-то его перьяце да й по чисту полю,
Да по тою по долинушке широкою, -
Не укрятаю плеча-то я могучего
И не утешу сердца молодецкого».
Он сымает эту стрелочку каленую,
Отпустил тетивочку шелковую,
А свой тугой лук разрывчатый пристегивал
А й ко правому ко стремечки к булатному,
На кони сидит да й пораздумался:
«Прямоезжею дороженькой поехать в стольный
Киев-град, -
То не честь мне-ка хвала да й от богатырей,
А й не выслуга от князя от Владимира;
А поехать мне дорожкой во чисто поле,
А й ко тою поляничищу удалою, -
А й убьет-то поляница во чистом поле,
Не бывать-то мне да на святой Руси,
А и не видать-то молодцу мне свету белого».

Он спустил коня да й богатырского,
Он поехал по раздольицу чисту полю,
Он подъехал к полянице ко удалюю.
Они съехались, добры молодцы, да й поздоровкались,
Они делали сговор да й промежду собой:
«Как друг у друга нам силушки отведали?
Нам разъехаться с раздольица чиста поля
На своих на конях богатырских,
Приударить надо в палицы булатные –
Тут мы силушки у друг друга отведаем».
Поразъехались они да на добрых конях
По славному раздольицу чисту полю,
Они съехались с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударили во палицы булатные,
Они друг друга-то били не жалухою,
Со всей силушки да богатырскими,
Били палицами булатными да по белым грудям.
И у них палицы в руках да погибалися,
А й по маковкам да й отломилися;
А й под нима как доспехи были крепкие,
Они друг друга не сшибли со добрых коней,
Да й не били они друг друга, не ранили,
Никоторого местечка не кровавили.
Становили молодцы они добрых коней,
И они делали сговор да промежду собой –
Поразъехаться с раздольица чиста поля

На своих на добрых конях богатырских,
Приударить надо в копья муржамецкие,
Надо силушки у друг друга отведали.
Поразъехались с раздольца чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударили во копья муржамецкие;
Они друг друга-то били не жалухою,
Не жалухою-то били по белым грудям.
У них копья-то в руках да погибалися,
А й по маковкам да й отломилися;
А й под нима как доспехи были крепкие,
Они друг друга не сшибли со добрых коней,
То не били они друг друга, не ранили,
Никоторого местечка не кровавили.
Становили добрых коней богатырских,
Говорили молодцы-то промежду собой:
«Опуститься надо со добрых коней
А й на матушку да й на сыру землю,
Надо биться-то нам боем-рукопашкою,
Тут у друг друга мы силушку отведаем».
Выходили молодцы они с добрых коней,
Становилися на матушку сыру землю
Да й пошли-то биться боем-рукопашкою.
Молодой Петрой Петрович, королевский сын,
Он весьма был обучен бороться об одной ручке.
Подошел он к поляничищу удалою,
Да й схватил он поляницу на косу бедра,

Да й спустил на матушку сыру землю,
Вынимал-то свой он нож булатную,
Заносил свою да ручку правую,
Заносил он ручку выше головы,
Да й спустить хотел ю ниже пояса, -
Права ручушка в плечах да застоялася,
В ясных очушках да й помутился свет.
То он стал у поляницы повыспрашивать:
«Ты скажи-тко, поляница, мне проведай-ка,
Ты с коей Литвы да ты с коей земли,
Тебе как-то, поляничку, именем зовут
И удалую звеличают по отчеству?»
Говорила поляница й горько плакала:
«Ай ты, старая базыка новодревная!
Тоби просто надо мною насмехатися,
Как стоишь ты на моей белой груди,
И в руках ты держишь свой булатный нож,
Ты хотишь пластать мои да груди белые,
Доставать хотишь мое сердце со печеней.
Есть стояла я бы на твоей белой груди,
Да пластала бы твои я груди белые,
Доставала бы твое да сердце с печеней,
Не спросила б я отца твоего, матери,
А ни твоего ни роду я, ни племени».
Разгорелось сердце у богатыря,
А у молода Петроя у Петровича.
Он занес свою да ручку правую,

Ручку правую занес он выше головы,
Опустить ю хочет ниже пояса, -
Права ручушка в плечи да застоялася,
В ясных очушках да помутился свет.
То он стал у поляницы повыспрашивать:
«Ты скажи-тко, поляница, мне проведай-тко,
Ты коей земли да ты коей Литвы,
Тобя как-то, поляничку, именем зовут,
Тобя как-то величают по отчеству?»
Говорила поляница таковы слова:
«Ай ты, славныя богатырь святорусския!
А й ты когда стал у меня выспрашивать,
Я стану про то тебе высказывать:
Родом есть из города из Крякова,
Из того села да со Березова,
А й со тою ли со улицы Рогатицы,
Со того подворья богатырского,
Молодой Лука Петрович, королевский сын.
Увезен был маленьким ребеночком,
Увезли меня татаря-то поганые
Да й во ту во славну в хоробру Литву,
То возростили до полного до возрасту;
Во плечах стал я иметь-то силушку великую,
Избрал коня соби я богатырского,
Я повыехал на матушку святую Русь –
Поискать себе я отца, матушки,
Поотведать своего да роду-племени».

Молодой Петрой Петрович, королевский сын,
Он скорешенько соскочит со белой груди,
То й берет его за ручушки за белые,
За его берет за перстни за злаченные,
То вздымал его со матушки сырой земли,
Становил он молодца да й на резвы ноги,
На резвы ноги да и супротив собя,
Целовал его в уста он во сахарные,
Называл-то братцем себе родным.
Они сели на добрых коней, поехали
Ко тому ко городу ко Крякову,
Ко тому селу да ко Березову,
Да ко тою улицы Рогатицы,
К тому славному к подворью богатырскому.
Приезжали-то они да й на широкий двор,
Как сходили молодцы они с добрых коней,
Молодой Петрой Петрович, королевский сын,
Он бежал скоро в палату белокаменну;
Молодой Лука Петрович, королевский сын,
А й стал по двору Лука похаживать,
За собою стал добра коня поваживать.
Молодой Петрой Петрович, королевский сын,
Он скоренько шел палатой белокаменной,
Проходил он во столову свою горенку,
Ко своей ко родной пришел матушке:
«Ай ты, свет моя да й родна матушка!
Как-то был я во раздольице в чистом поли,

Да й наехал я в чистом поли татарина,
А кормил я его ествушкой сахарною,
Да й поил я его питьецем медвяным».

Говорит ему тут родна матушка:

«Ай же свет мое чадо любимое,
Молодой Петрой Петрович, королевский сын!

Как наехал ты в чистом поли татарина,
То не ествушкой кормил бы ты сахарною,
То не питьецем поил бы ты медвяным,
А й то бил бы его палицей булатною,
Да й колол бы ты его да копьем вострым.

Увезли у тебя братца они родного,
Увезли-то они мальим ребеночком,
Увезли его татары-то поганые!»

Говорил Петрой Петрович таковы слова:

«Ай ты, свет моя да родна матушка!

Не татарина наехал я в чистом поле,
А й наехал братца себе родного,
Молодца Луку да я Петровича.

А й Лука Петрович по двору похаживат,
За собой добра коня поваживат».

То честна вдова Настасья-то Васильевна
Как скорешенько бежала на широкий двор,
Да й в одной тонкой рубашечке без пояса,
В одних тонких чулочиках без чоботов,
Приходила к своему да к сыну родному,
К молодцу Луки да й ко Петровичу,

Она брала-то за ручушки за беленьки,
За его-то перстни за злаченые,
Целовала во уста его в сахарные,
Называла-то соби да сыном родным;
Да й вела его в палату белокаменну,
Да вела в столову свою горенку,
Да и садила-то за столики дубовые,
Их кормила ествушкой сахарною,
Да й поила-то их питьицем медвяным.
Они стали жить-быть, век коротати.